

УДК 81'37:398.224(=571.512)
DOI 10.25587/15921-6412-2441-и

И. В. Собакина, Л. А. Лукачевская

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В ЯКУТСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ ОЛОНХО «НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» П. А. ОЙУНСКОГО

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о безэквивалентной лексике в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Под термином «безэквивалентная лексика» принято считать лексику того или иного языка, которая характеризует самобытность и своеобразность культуры и традиций народа. Актуальность работы состоит в том, что изучение вопросов лексикологии, таких как безэквивалентная лексика, через богатый язык олонхо дает нам основу для исследования уникальности народа саха, его культуры, этноса и языка. Целью нашей работы является выделение и анализ групп безэквивалентной лексики в якутском героическом эпосе олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: изучение и анализ теоретической литературы; сбор фактического материала путем сплошной выборки; классификация извлеченного материала по группам; анализ групп безэквивалентной лексики; обобщение полученных результатов. Так, в работе было проанализировано 825 примеров безэквивалентной лексики из олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Данный фактический материал был собран на основе классификации С. И. Влахова и С. П. Флорина, в которую вошли следующие группы: реалии, фразеологизмы, имена собственные, обращения, междометия, звукоподражания. Наибольшее количество примеров было найдено в группе междометий – 206 и имен собственных – 191. В остальных группах количество примеров безэквивалентной лексики составляет: звукоподражания – 121, обращения – 120, реалии – 99, фразеологизмы – 88. Также к каждой группе безэквивалентной лексики была составлена своя классификация, в которую входят отдельные группы, в соответствии с тематикой, типом и другими отличительными чертами. Основу классификации каждой группы составили работы разных теоретиков: имена собственные – Л. А. Введенская, Н. П. Колесникова; реалии – С. И. Влахов, С. П. Флорин; фразеологизмы – П. С. Афанасьев; обращения – В. К. Харченко; междометия – Н. К. Антонов; звукоподражания – З. К. Дербишева. Стоит отметить, что в каждой группе данные классификации исследователей не с полной точностью соответствуют подгруппам, поэтому в некоторых группах безэквивалентной лексики были выделены и другие подгруппы.

Ключевые слова: эпос, олонхо, безэквивалентная лексика, язык и культура, имена собственные, реалии, фразеологизмы, обращения, междометия, звукоподражания, традиции, этнос.

СОБАКИНА Ирина Владимировна – к. филол. н., доцент, каф. стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: ivs1977@mail.ru

SOBAKINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Asst. Prof., Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: ivs1977@mail.ru

ЛУКАЧЕВСКАЯ Лилианна Анатольевна – студент Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: lyalyalukach@gmail.com

LUKACHEVSKAYA Lilianna Anatol'evna – student, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: lyalyalukach@gmail.com

I. V. Sobakina, L. A. Lukachevskaya

Culture-specific vocabulary in the Yakut heroic epic *olonkho* *Nurgun Bootur the Swift*

Abstract. This article deals with the question of culture-specific vocabulary in *olonkho Nurgun Bootur the Swift*. The term “culture-specific vocabulary” is considered to be the vocabulary of a language that characterizes the identity and originality of the culture and traditions of the people. The relevance of the work is that the study of lexicology issues, such as culture-specific vocabulary, through the rich *olonkho* language gives us the basis for studying the uniqueness of the Sakha people, their culture, ethnicity and language. The aim of our work was the identification and analysis of groups of culture-specific vocabulary in the Yakut heroic epic *olonkho Nurgun Bootur the Swift* by P. A. Oiyunsky. To achieve this goal, the following tasks were set: a study and analysis of theoretical literature; collection of factual material by continuous sampling; classification of extracted material into groups; analysis of groups of culture-specific vocabulary; generalization of the results obtained. Thus, the paper analyzed 825 examples of culture-specific vocabulary from *olonkho Nurgun Bootur the Swift*. This factual material was collected based on the classification of S. I. Vlachov and S. P. Florin, which included the following groups: realities, phraseology, proper names, addresses, interjections, onomatopoeia. The largest number of examples was found in the group of interjections – 206, and proper names – 191. In other groups, the number of examples of culture-specific vocabulary was as follows: onomatopoeia – 121, addresses – 120, realities – 99, phraseological units – 88. Also, each group of culture-specific vocabulary has its own classification, which includes separate groups, according to the subject, type, and other distinctive features. The basis of classification of each group was the work of different theorists: proper names – L. A. Vvedenskaya, N. P. Kolesnikova; realities – S. I. Vlachov, S. P. Florin; phraseological units – P. S. Afanasiev; vocarives – V. K. Kharchenko; interjections – N. K. Antonov, onomatopoeia – Z. K. Derbisheva. It is worth noting that in each group, the data of the classification of researchers do not exactly correspond to subgroups, so in some groups of culture-specific vocabulary, other subgroups were identified.

Keywords: epic, *olonkho*, culture-specific vocabulary, language and culture, proper names, realities, phraseological units, addresses, interjections, onomatopoeia, traditions, ethnos.

Введение

Для якутского народа уникальным эпическим жанром его устного народного творчества является олонхо. Героический эпос олонхо является шедевром, представляющим богатую духовную культуру, древнюю историю, философию и уникальное мышление народа саха. Как отмечает известный основоположник якутской фольклористики Г. У. Эргис, олонхо является высокохудожественным эпическим произведением со своим устоявшимся кругом идей и образов, тем и сюжетов, со своим стилем, композицией и изобразительными средствами [1, с. 188].

Изучение в языке олонхо лексических единиц, обладающих культурологическими и специфическими характеристиками, представляет собой одну из важных задач исследования лексического богатства эпических текстов. Для разработки темы исследования изучены научные труды об определении и классификации безэквивалентной лексики в современном языкознании. Основную часть теоретической части составили работы А. О. Иванова [2] и В. Н. Комиссарова [3] – трактовка понятия безэквивалентной лексики; С. И. Влахова и С. П. Флорина [4] – классификация безэквивалентной лексики.

Целью исследования является классификация и анализ групп безэквивалентной лексики в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского. При разработке предлагаемого исследования метод сплошной выборки позволил выявить примеры из материала исследования для анализа; описательный метод – выделить и описать группы безэквивалентной лексики в рассматриваемом олонхо.

Понятие и классификация безэквивалентной лексики

Безэквивалентная лексика представляет собой сложный и обширный пласт лексики, к которой обращаются многие ученые и каждый дает разную трактовку безэквивалентной лексики. Так, например, Л. С. Бархударов определяет эту лексику как единицы, не имеющие ни полных, ни частичных соответствий среди единиц другого языка [5, с. 58]. А В. Н. Комиссаров понимает под безэквивалентной лексикой слова-явления, специфические для данной культуры речи и не

имеющие постоянных соответствий в переводящем языке [3, с. 136]. Большую работу также на тему безэквивалентной лексики представили лингвисты С. И. Влахов, С. П. Флорин «Непереводимое в переводе» (1980 г.), в этой работе особое внимание уделяется реалиям, они обозначают эту группу как основную часть безэквивалентной лексики. Вместе с тем отмечается, что уникальность и самобытность народа играет большую роль в безэквивалентной лексике [4, с. 24]. Огромный вклад в изучение понятия и особенностей безэквивалентной лексики внес А. О. Иванов. Для него безэквивалентная лексика – это отсутствие у лексических единиц исходного языка эквивалентов в словарном составе переводящего языка, другими словами, это передача своеобразной лексики с помощью аналогичных слов, словосочетаний и словами близкими по содержанию и смыслу [2, с. 51].

Далее рассмотрим варианты классификаций безэквивалентной лексики. А. О. Иванов подразделяет безэквивалентную лексику на три большие группы: 1) Референциально-безэквивалентная лексика; 2) прагматически-безэквивалентная лексика; 3) альтернативно-безэквивалентная лексика. К каждой группе он относит отдельные подгруппы, так, например, к первой группе относятся: реалии, термины, фразеологизмы, лакуны, авторские слова; ко второй относятся различные отклонения от общеязыковой нормы, аббревиатуры, междометия, звукоподражания и т. п.; к третьей группе относит имена собственные и другие ранее перечисленные подгруппы [2, с. 83-85]. А Л. С. Бархударов представил следующую классификацию: 1) имена собственные, географические наименования, названия учреждений, газет, организаций и др.; 2) реалии. Сюда входят слова и обозначения каких-либо элементов материальной и духовной культуры, например, названия пищи, одежда и т. п.; 3) случайные лакуны – слова одного языка, которые не входят в словарный состав другого языка [5, с. 90-94]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров представили классификацию безэквивалентной лексики на основе одной культуры, отчасти русской, в которую входят, например, советизмы, историзмы, слова, характеризующие традиционный быт, слова нерусского происхождения [6]. С. И. Влахов и С. П. Флорин в своей работе дают следующую классификацию безэквивалентной лексики: реалии, фразеологизмы, имена собственные, обращения, междометия, термины, каламбур, сокращения. И посвящают каждой группе отдельный параграф, в которых выделяют особенности каждой группы, и какие сложности могут встретиться при переводе данной лексики [4].

В нашей работе мы будем придерживаться классификации, данной С. И. Влаховым и С. П. Флориным, потому что именно эта классификация, на наш взгляд, более точно и систематизированно раскрывает разновидности безэквивалентной лексики. На основе данной классификации в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского мы выделили шесть групп и рассмотрели каждую группу отдельно, сюда вошли реалии, фразеологизмы, имена собственные, обращения, междометия, звукоподражания.

Реалии. Реалии – это та лексика, которая носит в себе культурный код народа. Реалии охватывают широкий пласт лексики, т. к. у каждого народа своя культура и традиции, реалии очень своеобразны и носят индивидуальный характер. В олонхо ярко представлена культура и традиции народа саха, поэтому можно встретить большое количество реалий. Учитывая разносторонность и богатство информации о культуре и традиции якутов в олонхо, мы подобрали наиболее развернутую классификацию реалий С. И. Влахова, С. И. Флорина, которые разделяют реалии на несколько групп и подгрупп: А. Географические реалии; В. Этнографические реалии: 1. Быт; 2. Труд; 3. Искусство и культура 4. Этнические объекты; 5. Меры и деньги; С. Общественно-политические [4, с. 53-55].

Фразеологизмы. В данной группе мы обратились к одной из работ по лексикологии якутского языка П. С. Афанасьева. Он разделил фразеологизмы на 24 группы по их содержанию и смыслу и отметил, что большинство фразеологических единиц в якутском языке относятся к людям и всему, что связано с человеком. Сюда входят, в основном, такие тематические группы фразеологизмов, как: 1) характер человека; 2) привычки человека; 3) об оценке нрава человека; 4) о стыде и позоре и т. д. [7, с. 34-37].

Имена собственные. Подробную классификацию имен собственных представили Л. А. Веденская и Н. П. Колесников [8]: 1) антропонимика – имена собственные, которые относятся к людям; 2) топонимы – географические названия; 3) космонимы и астронимы – все,

что связано с космосом и астрономией. Ученые отмечают, что наиболее широким разделом ономастики является топонимика, в которую входят оронимы, спелеонимы, дримонимы, ойконимы, урбанонимы [8].

Обращения. При классификации группы обращений, мы рассмотрели классификацию В. К. Харченко. Сюда входят такие обращения как: 1) односложные или сокращаемые на один слог. По мнению ученого, данная форма обращения является традиционной; 2) «родственные обращения» – распространенные в современном языке; 3) обращение по личным симпатиям; 4) обращение по возрасту; 5) обращения по профессии или по роду занятий; 6) обращение-метафора; 7) обращение-комплимент; 8) распространенные обращения, т. е. обращения с эпитетом; 9) обращения-цитаты [9, с. 18-19].

Междометия. Данная группа безэквивалентной лексики тоже имеет свои отличительные черты для каждого языка, будучи волевыми и эмоциональными звуко сочетаниями, здесь огромную роль играет особенность звукового строя языка. В своей работе мы опираемся на работы Н. К. Антонова, который разделяет междометия на две большие группы: 1) междометия, относящиеся к чувствам и психологии; 2) междометия, обозначающие отношения к окружающей среде [10].

Звукоподражания. В якутском языкознании отмечают, что звукоподражательные слова не обозначают предмет или его значение и передаются с помощью методов повтора, парных слов и словосочетаний в форме прилагательных, наречий и глаголов [10]. При классификации звукоподражательных слов мы опираемся на работу С. В. Скомороховой «Морфология современного русского языка» [11]. Она разделяет звукоподражательные слова по характеру имитируемых звуков, например, голоса птиц, животных; звуки, издаваемые предметами и т. п. [11, с. 155].

Группы безэквивалентной лексики в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»

На основе собранного фактического материала – 825 примеров безэквивалентной лексики олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского – составлена классификация, в которую вошли следующие группы: имена собственные – 191 (23 %), реалии – 99 (12 %), фразеологизмы – 88 (11 %), обращения – 120 (14 %), междометия – 206 (25 %), звукоподражания – 121 (15 %). В примерах работы приводится перевод на русский язык, выполненный выдающимся русским поэтом Владимиром Державиным, переводчиком многих эпических шедевров, который в совершенстве смог передать всю сложную сюжетику и стиль олонхо.

Имена собственные. В текстах олонхо можно встретить большое количество имен собственных, т. к. олонхо богато персонажами и сюжетными линиями. Основываясь на классификации, данной Л. А. Введенской и Н. П. Колесниковым [8], мы разделили имена на две большие группы: А) личные имена; Б) топонимы (географические названия).

Основываясь на типологии персонажей в олонхо, **личные имена** распределены следующим образом:

1) имена жителей Верхнего/Среднего/Нижнего миров. Сюжет и события в олонхо, как правило, происходят в трех пространственных мирах. П. А. Ойунский в своей работе описывает, что три мира произошли от одного мира, где в результате для каждого из них есть своя отдельная жизнь и персонажи. Так, например, Верхний мир населяют племена *Айыы*, Средний мир – люди, а Нижний мир – мир племен *абаасы* [12, с. 101]. В данном олонхо можно встретить такие имена собственные: *Улуутуйар Улуу тойон оюнньор* ‘Великий Улуу тойон’ – представитель Верхнего мира. *Куустээх-уохтаах Күөнэ көбөччөр аттаах Күн Дьырибинэ бухатыыр* ‘Владеющий серо-стальным конем Кюн Дьырибинэ Бухатыыр’ – житель Среднего мира; *Уот Уһуму Тон Дуурай обургу* ‘Кровожадный Уот Усуму’ – абаасы, житель Нижнего мира;

2) имена шаманов/шаманок. Якутский шаманизм ярко описывается в якутском фольклоре и в литературе, т. к. шаманизм является неотъемлемой частью жизни и веры нашего народа. К. Д. Уткин отмечает, что в истории религиозных верований якутов шаманизм занимает особое место, и якутское олонхо щедро представляет свой эпический мир удаганками и шаманами всех трех миров [13, с. 1-5]. Так, в данном олонхо можно встретить множество персонажей, связанных с религиозной верой якутов, в т. ч. шаманов и шаманок (удаганок): *Ытык Хахайдаан* ‘Ытык Хахайдаан’ – шаманка-волшебница подземного мира, помогающая Эсэх Харбыыру; *Молууус уола Болдьонгой ойуун* ‘Болдьонгой Могучий колдун’, *Таллаан-Бэкийэ* – шаман абаасы, который, по словам Уот Усуму, является его рабом;

3) имена кузнецов. Кузнечество – тоже одно из основных традиционных занятий культуры и быта якутов. Р. И. Бравина в своей работе пишет, что наряду с шаманизмом по своей значимости стоит и ремесло кузнецов. По поверьям якутов, кузнецы обладают даром исцеления и предсказания будущего [14, с. 120]. Кузнецы ярко представлены в сюжете олонхо: *Кытай Бахсылааны уус* ‘Кузнец-чародей Кытай Бахсылааны’;

4) названия племен. Многие этнографы изучают вопрос о происхождении якутов, Р. И. Бравина и Д. И. Петров в своей статье освещают вопрос о племенах якутских и неякутских в исторических преданиях и рассказах [15]. В олонхо встречаются наименования групп людей и племен, обозначаются они как уус ‘племя’, *удьуордар* ‘предки’, *аймах* ‘родственники’: *Содуомнаах абатын уустара Өһөгөйдөөх Өкө Буурай удьуордара Алдьархайдаах Ака Буурай аймахтара* ‘Потомки лютых отцов Свирепые абаасы Невидимки-воры’, *Хахсаат ууһа* ‘Племя Хахсаат’;

5) названия/клички животных. В эпических произведениях часто можно встретить имена коней. Конь является спутником богатыря, помогающим ему в борьбе и в путешествиях: *Дьулусхан субуйа суурук* ‘Вороний конь’, *Хара мангаасчай* ‘Хара Мангастай’ – небесный Белоголовый Черный Конь Буура Дохсуна;

6) духи (иччи). В традиционном веровании якутов есть понятие иччи, как отмечает С. И. Николаев, язычество у якутов очеловечивает все живое и неживое вокруг, согласно которому каждое растение, каждый камень, каждое озеро, каждая гора, каждая зверина, рыба и птица имеют внутри себя своего внутреннего разумного человечка под названием «иччи» [16]. В олонхо можно встретить такие наименования *иччи*, в переводе они обозначаются как «духи»: *Ньяады Ньянханы хотон иччитэ* ‘Коровина добрый дух Ньяады Ньянханы’, *Буомча эбэ хотун* ‘Свирепая Буомча хотун’ – дух-хозяйка горных дорог.

В группу имен собственных наряду с именами, относящимися к людям, включены имена персонажей, относящихся к мифологии, этнографии, верованиям якутов.

Группа **топонимов** в олонхо включает три подгруппы:

1) ойконимы (названия населенных пунктов). Сюда мы отнесли такие примеры, как: *Батаҕай арыыта* ‘Батагай’. В данном примере слово *Батаҕай* является наименованием местности;

2) гидронимы (названия водных объектов): *Одун Байҕал* ‘Море Одун’, *Чоохурутта эбэ хотун* ‘Заповедное озеро Чоохурутта’, *Муус Кудулу байҕал* ‘Бездонное море Муус кудулу’. В наименованиях якутских ойконимов и гидронимов часто встречается слово *эбэ*, которое употребляется в знак почтительного отношения к какой-либо местности (напр. к реке, озеру, лесу, аласу);

3) оронимы (названия элементов рельефа): *Муус Суорун булгуннах* ‘Сверкающе ледяной курган’, *Хаан Дьалыстыма аартык* ‘Перевал Хаан Джалыстыма’, *Сизэллэх Сизги манган аартык* ‘Сизги-Маган-Аартык’ – небесный горный проход, по которому ездят посланцы богов, небесные шаманы и шаманки айыы. В данных примерах оронимов можно отметить, что слово *аартык* часто употребляется в разных значениях, как отмечается в «Большом толковом словаре якутского языка», это слово может употребляться в следующих значениях: 1) большая проезжая дорога, тракт; 2) горный перевал; 3) въезд на проезжую дорогу; 4) отверстия в муравейнике; 5) направления движения, маршрут; 6) столбовой путь развития, движения вперед, открывающаяся перспектива [17, с. 173-174].

Реалии. Реалии разделены в соответствии с классификацией С. И. Влахова и С. П. Флорина [4]:

А) географические реалии: 1. Названия объектов физической географии, в т. ч. и метеорологии: *Алдьарайдаах алааска* ‘в чащобе лесной’. Алаасы – это чистое поле, окруженное лесом (обычно с озером посередине) [17, с. 391]. Ф. М. Зыков отмечает, что якуты долгое время жили в *аласах*, и все постоянные хозяйственные поселения находились там [18, с. 7]; 2. Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью: *Сэргэх сэбэрэллэх Сэбирдэх дэбдиргэллэх, Күөх чэчир үктэллэх, Чөнгөрө чүөмпэ саба Дирин Далай түһүлгэллэх* ‘Светлокожая, в чьих руках Махалка из свежих ветвей, Чья подножья – широкое тюсюлгэ, где готовят кумысный пир’. В данном примере географическим наименованием, относящимся к деятельности людей, является *түһүлгэ* – это слово напрямую связано с культурой и деятельностью якутов, обозначает место проведения якутского национального праздника *ыһыах*, украшенное зеленью и другими атрибутами, где проводится церемония кумысопития [19, с. 300];

3. Названия эндемиков (названия животных и растений): *Хатын арабас чэчир буолан анньыллыбыт эбит* 'Где березы растут, стройно поставленные как чэчир'. *Чэчир* – это молодая березка с листвою, срубленная для украшения места проведения национального праздника ысыах или свадьбы [20, с. 303].

Б) этнографические реалии: 1. Быт: а) Пища, напитки: *Дьоллоох томторболоох Чороонноох кымыһын* 'Полный кумысом чорон'. В. Л. Серошевский отмечает, что главное богатство якутов состоит из конного скота, поэтому их пищу составляли по преимуществу кобылье молоко и кобылье мясо. Главным образом кобылье молоко шло на приготовление кумыса. Кумыс – сырое кобылье молоко, пришедшее в кислое и спиртное брожение [21, с. 297-298]. Этот вид пищи является одним из главным напитков якутской традиционной кухни и неотъемлемой частью культуры; б) одежда: *Туллай этэrbэстээх* 'В стоптанных торбасах'. В. Л. Серошевский также детально описывает наряд якутов, важную роль играют и характеристики обуви. Так, например, первобытный характер удержали зимние меховые сапоги – торбаса. Они употребляются преимущественно на севере, и для них нет особого якутского названия. Зовут их *этэrbэс*, что значит по-якутски вообще обувь [21, с. 324-325]; в) жилье, мебель, посуда. В олонхо часто встречаются элементы, описывающие быт народа саха. *Баай хара тыа балаҕаннаах* 'Твой богатый дом – вся тайга кругом'. В данном примере присутствует реалия *балаҕан*, которая обозначает традиционный вид жилища якутов. Ф. М. Зыков в своей работе исследует особенности поселений, жилищ и хозяйственных построек якутов. Здесь отмечается, что балаган является самой распространенной формой жилищ якутов, представлял собой каркасную стационарного типа постройку по форме близкую к усеченной пирамиде [18, с. 13]; г) другие. В данную группу входят реалии, которые не относятся к ранее перечисленным группам, но непосредственно связанные с культурой и этнографией якутов. Так, например, в текстах олонхо можно встретить такие реалии как: *Тойон толуу сэргэлэр* 'Красной меди коновязи-столбцы'. В традиционном веровании якутов *сэргэ* – это столбец, к которой привязывают коней, она же является символом мирового дерева, данная реалия носит как хозяйственное, так и ритуальное значение [13, с. 22]. 2. Искусство и культура. Есть также большое количество реалий, обозначающих духовную и материальную культуру якутов: а) Музыка и танцы. М. Я. Жорницкая, описывая танцевальные традиции якутов, отмечает, что в олонхо и других жанрах якутского фольклора часто упоминают народные танцы и праздники с танцами. Так в данном олонхо, можно увидеть пример: *Оһуохай ойбут, Дьыэрэнкэй тэйбит, Ункуу дьэргэйбит* 'Плясовой напев завели, Замелькал хоровод, запестрел, Загудела от пляски земля, Веселая молодежь Ножкобитие плясать начала'. Здесь есть реалии *оһуохай* и *дьыэрэнкэй*. *Осуохай* – наиболее распространенный традиционный танец якутов, круговой массовый танец, сопровождаемый хоровой песней под запев импровизатора. *Дьыэрэнкэй* – игра-танец, обозначающаяся как «подскоки» или «ножкобитие» – это особый вид бега, при котором попеременно каждой ногою два раза скачкообразно переступают вперед [22]; б) фольклор: *Чабырбахтабыта эбитэ үһү* 'Были свои говорил'. В данном случае реалией выступает слово *чабырбах* – один из основных жанров якутского народного творчества. Под этим названием, как пишет Г. У. Эргис в «Очерках по якутскому фольклору», объединяются довольно своеобразные стихотворные произведения, сходные между собой по характеру исполнения [1, с. 324]. Отмечается сходство со скороговоркой, иногда речитативом или напевом; в) обычаи, ритуалы. В качестве примера можно привести *дунур*, который связан с культом шаманизма, это атрибут шаманов и удаганок, используемый для обрядовых ритуалов: *Чонкунуур чой улаан дунурун ылан* 'В руки взяв бубен гулкий, звучно-тугой'; г) праздники, игры. Неотъемлемой частью культуры и главным праздником для якутов является *ысыах*. В олонхо же этот праздник тоже является главным символом: *Чөнгөрө чүөмпэ саба Диринг далай Түһүлгэ турбут, Дэм дэлэгэй Ыһыах тэриллэбит* 'Как неисчерпаемый водоем, Играющий кипя кумысом, Праздник шел, Несмолкаемый пир шумел'. К. Д. Уткин отмечает, что национальный праздник *ысыах* как обрядовый и народный праздник прошел долгий путь своего развития, с эпических времен он хранит ритуально-обрядовую форму, круговой хороводный танец, кумысопитие и конно-спортивные состязания [13, с. 3]; д) мифология. В олонхо, как в одном из самых богатых и фантазийных произведений народа саха, можно увидеть разные мифологические элементы и персонажей. Так, например, в фольклоре и мифологии есть понятие *адьарай* – это живущие

в Нижнем мире враждебные людям чудовища, абаасы, причиняющие жителям Среднего мира различные бедствия: *Адьарай сириттэн* 'Адьарайских племен'. 3. Этнические объекты: а) этнонимы. Из группы этнических объектов можно выделить этнонимы, т. е. названия наций, народов, народностей, племен и т. п., в данном олонхо встречается наименование: *ураанхай-саха* 'уранхай-саха' – это самоназвание якутов. В. В. Ушницкий в своей статье подробно описывает разные вариации происхождения понятия *ураанхай* [23]. б) клички: *Дьэргэйэр дьэс эмэгэт* 'Медная баба Дьэс эмэгэт'. *Дьэс эмэгэт* буквально переводится как «медный идол». Здесь Нюргун Боотур клянется шаманским изображением абаасы, который должен отомстить ему, если он нарушит клятву. 5. Меры и деньги: а) единицы мер: *Харыс бытыктаах* 'Длинная до земли борода'. В данном случае слово *харыс* в значении, как мера длины, равная расстоянию между кончиками вытянутых до отказа большого среднего пальцев, пядь [24, с. 411].

В) общественно-политические реалии: военные реалии: оружие: *Сулус уота ырбалаах* 'Из колючих звездных лучей С острием, что зовется ырба'. Здесь реалией является слово *ырба* – это элемент оружия, железный вилообразный наконечник стрелы лука, самострела.

В олонхо используется много слов-реалий, которые несут в себе культурную и традиционную особенность народа саха, охватывают разные сферы жизни. По классификации С. И. Влахова и С. П. Флорина примеры найдены практически во всех группах реалий, наибольшее количество которых составляют этнографические реалии.

Обращения. В олонхо часто встречаются обращения, некоторые части, в основном, состоят из песен в диалоговых и монологических формах. При анализе обращений олонхо мы основывались на классификации В. К. Харченко [9], выделены следующие группы:

1) обращения по личным симпатиям, этот вид обращений встречается часто: *Уо, кукаам, Уоскуйа түс* 'О, успокойся, голубка моя'. Здесь обращение *кукаам* употребляется в значении «милая, дорогая», как обращение к младшему по возрасту (обычно ребенку): «дитя мое, дитятко, милый мой» [25, с. 445];

2) родственные обращения. В. К. Харченко относит их к самым распространенным. В данном олонхо можно выделить несколько примеров обращений по родству. Так, например, Нюргун Боотур обращается к своим родителям: *Ахталытан төрөппүт Аар тойон абакам! Күөлэһинэн төрөппүт Күбэй хотун ийэккэм!* 'Властный, великий, Создавший меня Седовластый отец-тойон! Качавшая мою колыбель Величавая мать-хотун!'. Обращение к матери *ийэ* усиливается значением *күбэй хотун*, что означает «дорогая, любимая, почтенная мать» [25, с. 591], «хотун – хозяйка дома, супруга, жена хозяина» [24, с. 628], обращение к отцу *аба* значением *Аар тойон* – «высокопочтимый господин-отец (почтительно-церемонное обращение к родителю, обычно употр. в фольк.)» [17, с. 166], данные примеры усиливают значение обращения, тем самым показывается уважительное отношение сына к родителям;

3) обращения-комплимент: *Көмүс түөстээх күүрэгэйим, Алтан түөстээх далбарайым, Аналлаах атаһым* 'Медногрудый жавороночек мой, златогрудая пташка моя, Подруга моя, супруга'. В данном примере обращения *күүрэгэй*, *далбарай* используются в переносном значении для обращения к близкому человеку. Так, например, значение слова *далбарай* определяется как 1. Птенец, только начавший летать, маленькая певчая птичка. 2. Очень близкий, любимый, дорогой человек, т. е. в данном случае используется второе значение слова [26, с. 98-99]. У якутов слова, относящиеся к птицам, в частности, ассоциируются с прекрасным и используются в качестве комплиментов;

4) распространенные обращения, т. е. обращения с эпитетами: *Куобастанар дьыллыкыйым Эһиэхтэнэр дьэргэстэйим Эргичийэр эмэгэтим, Кырбастанар Куогалдыма!* 'Заклинательница моя Камлательница моя, Гусыня, мотающая головой, Доченька лихая моя Куогалдыма Куо'. В данном примере обращение «Куогалдыма Куо» распространено с помощью эпитетов;

5) обращения-цитаты, на роль которых претендуют крылатые слова, фразеологизмы: *Көрдөр харабым дьүккэлэрэ, көтүрдэр тиһим билэлэрэ* 'Вы – зеницы моих очей, Вы – десны белых моих зубов'. В олонхо можно найти обращения, которые выражены с помощью устойчивых словосочетаний, в приведенном примере фразеологизм обозначает «что-то ценное, близкое».

Так, из 11 групп обращений, представленных в классификации В. К. Харченко мы нашли 5 видов обращений, помимо этого выделены следующие группы: 1) обращения по личной

неприязни/негативные обращения: *Хааннаах айах, Хара түөкун, Ханна да хамсаама!* ‘Постой, злодей, Одноглазый разбойник ночной!’. Такие обращения в олонхо часто встречаются в монологах, песнях и диалогах с участием отрицательных персонажей, абаасы; 2) обращения – дань уважения, к лицу высокого уровня: *Сүдүөр ыалым Сүдү кырдыаһаһым* ‘Прославленный мой сосед, Великий старец-мудрец, могучий’; 3) именные обращения: *Болдунуй Боотур оюнньор!* ‘Старец-игрун Болдунгуй Боотур!’; 4) обращения с подзывательными, окликательными возгласами: *Көрүң эрэ, нойоттоор!!! Көрүң эрэ, богдолоор!!!* ‘Эй вы, парни, годные мне батраки! Эй вы, трусливая мелочь, дрянь!’. В данной группе к обращениям добавляются слова, которые притягивают внимание, усиливая значение обращения: *көрүң эрэ*.

Мы выделили 10 групп обращений в олонхо. Большинство примеров было систематизировано по классификации В. К. Харченко, некоторые примеры мы выделили в соответствии с признаком и типом обращений.

Междометия. Самое большое количество примеров было найдено в группе междометий, не учитывая того, что междометия часто повторяются в текстах. Данную группу мы проанализировали по классификации Н. К. Антонова. Он отмечает, что использование междометий придает особый смысл предложению, и разделяет междометия на две большие группы: А) эмоционально-психологические; Б) междометия, показывающие отношение к окружающему [10].

К первой группе относятся подгруппы междометий, показывающие такие эмоции как: 1) радость, удивление, удовлетворение: *Уруй-айхал! Уруй-мичил!*. Междометия *уруй* и *айхал* в олонхо часто встречаются в песнях и алгысах, в которых присутствуют радостные и счастливые эмоции. Они аналогичны тому же возгласу в русском языке «Слава!» или «Ура!». Л. С. Ефимова в своей диссертации рассматривает особенности якутского алгыса и отмечает, что данные междометия *уруй* и *айхал* являются экспрессивными словами, характерными для алгыса, они имеют значение особой чувствительности, выразительности [27, с. 35]; 2) удивление/недоумение: *«Үуо бабат!» диибин даҕаны!!! «Үуо татат!» диибин даҕаны!!!* ‘Уо, бабат! Я тебе говорю! Уо, татат! Я тебе скажу’. Междометия *бабат* и *татат* в якутском языке часто используются в паре, это междометия, которые выражают сильное удивление или страх [28, с. 96]. В рассматриваемом олонхо эти междометия встречаются и в других примерах и часто употребляются отдельно, например: *Соо, татат!!! Туох үлүгэрэй?* ‘О-о, татат! Ох, что за напасть!?’ 3) страх, разновидности страха: *Иэдээним-куудааным, Иһиллигим-таһыллыгым* ‘Ой, горе мое, Ой, хворь моя’. Данное междометие показывает большую беду, бедствие, тревогу и волнение. Такие междометия в паре часто используются в якутском эпосе олонхо в запеве бесовской девы (абаасы) [29, с. 818]; 4) досада, горечь, возмущение: *Аарт-татай, оҕоллор!!! Алаата, оҕоллор?!!* ‘Горе, нам, братья! Досада, беда!’. *Аарт-татай* – междометие, которое обычно выражает раздражение с оттенком удивления [17, с. 173]; 5) боль, усталость: *Абытаай!!! Абытай! Адьарай кыргыттара баара!* ‘Абытаай!!! Абытай! Адьарайские дочери! Вот я вас!’. В русском переводе олонхо дается комментарий к междометию *абытай* – «восклицание, выражающее боль или опасение возможной боли, неприятности» [29, с. 427].

Ко второй группе ((Б) – междометия, показывающие отношение к окружающему) относятся такие подгруппы: 1) звательные, побудительные на какие-либо поступки, или просьба остановиться/отказ: *Көр-бу!!! Көр-бу диибин!! Көрөллөөр-көрбөттөөр!!!* ‘Взгляни-взгляни! Посмотри...’. Междометия со словом *көр* ‘смотри’ встречаются в олонхо очень часто, обычно присутствуют в начале запева персонажей; 2) одобрение, соглашение, подтверждение: *«Ээх» диин элийэн ылаат* ‘«Ээх» ответил он’. В данном примере междометие *эх* выражает одобрение, согласие говорящего («ладно, хорошо») [30, с. 408]; 3) противоречие, запрет, несогласование с чем-либо, сомнение: *Ама дуо, доҕоор! / Ама дуо, доҕоор* ‘И свершилось чудо, друзья!’. Данное междометие мы отнесли именно к этой группе, потому что слово *ама* в частности означает как «неужели», и в этом контексте может иметь смысл «не верю своим глазам / не верю своему счастью», т. е. отрицает свое счастье; 4) междометия, являющиеся своеобразными экспрессивными звуковыми жестаами, которыми обмениваются знакомые или встречные соответственно этикету: *Быдан-быдан дьылларга Быралыйа бырастыларың! Уһун туску туттум! Уруй-айхал эттим!* ‘Уруй-уруй! На долгие годы Прощайте и вы, Уруй-айхал, Говорю!’. В таких типах междометий часто используется те же *уруй*, *айхал*, а также аналогичное этим *уһун туску*, что

означает «долгое счастье, благополучие»; 5) неприязнь, бранные слова: *Туй-мэ! Бу баар!* 'А теперь этот кукиш – тебе!'. Междометие *туй* определяется как возглас удивления или возглас недовольства [19, с. 72]. А слово *мэ* выражает побуждение взять что-либо («на тебе»), тем самым усиливает значение междометия и показывает негативное отношение к другому.

Помимо групп, выделенных в соответствии с классификацией Н. К. Антонова, мы выделили еще одну группу междометий, которые показывают смех / язвительный смех: *Һыы-һа-һа-һаа!!! Һыы-һа-һа-һаа!!!* 'А-аа! Хаа-хаа! А-аа! Хаа-хаа!'. Якутское *һы, һа* часто используется для выражения смеха, аналогично русскому «ха». В олонхо данное междометие часто встречается в возгласах негативных персонажей.

Фразеологизмы. Основываясь на классификации П. С. Афанасьева, фразеологизмы разделены на 15 групп из 24. Он отмечает, что смысл и содержание фразеологизмов в якутском языке, в основном, относятся к человеку, фразеологизмов, относящихся к другим сферам, совсем мало [7]:

1) о характере человека. Сюда входят такие фразеологические обороты, которые описывают качества и характер человека, этот тип встречается редко, например при описании богатыря: *Бардам быһыылаах Баламат майгылаах* 'Он могуч и свиреп'. В данном фразеологизме присутствует слово *бардам*, которое носит смысл «безграничный, щедрый». Часто встречается и в других фразеологизмах *бардам тутуу, барылы кэскил*. А. Г. Нелунов определяет это как «дарующий щедрую удачу, обильное счастье», в фольклоре используется часто при описании лесного духа – Байаная [31, с. 124];

2) о привычках человека. В эту группу мы отнесли фразеологизмы, которые относятся к такому качеству и привычке человека, как воровство: *Түүн сырыылаах түүлээх уллунгах* 'С меховыми подошвами на ногах, привыкшие грабить и красть'. Фразеологизм в олонхо использован как негативный возглас о племенах абаасы, часто используется для описания воров. А. Г. Нелунов определяет этот фразеологизм, как «вор, мошенник» и отмечает, что у воров есть привычка шить к торбасам подошвы из воловьей шкуры шерстью наружу, чтобы след не имел ясных очертаний [32, с. 223];

3) об оценке нрава человека: *Үрдүнэн үрүг чыгычаах көппөтөх, Аннынан сур күүдээх суруй-батах* 'Что над ним пуночка не пролетит, Что под ним и мышка не пробежит'. Этот фразеологизм присутствует в описании богатыря Нюргун Боотур, в словаре А. Г. Нелунова обозначается, как «стрелять без промаха, стрелок» [32, с. 296], но в данном контексте фразеологизм получает более широкое значение, определяющее нрав богатыря, как «меткого стрельца и отважного бойца»;

4) о стыде и позоре: *Күөрт ыт Күлүүтүгэр түбэһиэхпит, Эриэн ыт Элэгэр кириэхпит...* 'Вечный стыд и позор тому! Псы смеяться будут над ним!'. По А. Г. Нелунову, фразеологизм означает «стать всеобщим посмешищем, быть объектом всеобщих насмешек» [32, с. 264], что соответствует по контексту описанию данной группы;

5) об отношениях между людьми: *Сүүспүтүн аалсыахха* 'Потремся лоб о лоб'. Этот фразеологизм в переносном значении показывает тесное отношение между людьми, определяется как «опора и защита друг для друга»;

6) об изменениях/переменах психологического и душевного состояния человека: *Сүрээбим хамсаата Сүрүм кутум долгуйда Хайбахтаах хара быарым Хайыта барда быһылаах!* 'Изнемогает сердце мое, Рвется из тени смятенный мой дух, Разрывается черная печень моя'. А. Г. Нелунов определяет фразеологизм *сүрээбим хамсаата* 'сердце у меня забилося' [32, с. 147] как фразеологизм, который показывает чувство тревожности и беспокойства;

7) месть за вину, предательство: *Сэт-сэмэ туолуоҕа* 'Кровью заплаатишь ты'. В словаре А. Г. Нелунова есть аналогичный фразеологизм данному примеру *сэт-сэлээн сиппит, сэмэ-сунха туолбут* «настало время, когда приходится нести возмездие за все содеянное» [32, с. 172]. В эпических произведениях сюжет часто наполнен историями о борьбе, поэтому фразеологические единицы на такие темы, как месть, борьба, предательство и т. п. встречаются часто;

8) о проблемах и беде: *Иитэ биллибэт иирээн үөскүөҕэ Аана биллибэт Алдьархай төрүүбэ* 'И пойдет бесконечная Распря тогда, Безысходная будет беда'. Данный фразеологизм показывает то, насколько большая беда (*иирээн, алдьархай*) пришла;

9) о физических страданиях: *Күүһун быстан, күдэбин баранан* 'Будешь ты погибать, пропадать'. Фразеологизм в словаре обозначается как «ослабеть, потерять былую силу (напр. в результате болезни, тяжелой травмы)» [31, с. 267];

10) о влиянии человека на человека: *Уоттаах харахтаах утары көрбөтүн, Татаар тыллаах Таба эпэтинн!* 'Пусть тебя не сглазит огненный взгляд, Пусть тебе чары не повредят, Пусть никто злоязычный тебя Не посмеет оклеветать'. Фразеологизм *утары көр* означает «противостоять, противоборствовать», в данном контексте используется как совет богатырю, чтобы никто не помешал ему идти дальше;

11) о поведении человека (по внутренним признакам). В данную группу мы отнесли такие фразеологизмы, которые показывают действие и замысел человека по внутренним признакам, как шутки, черные мысли, желать другому добро/недобро и т. п.: *Үөнүм батарбакка, Үтэн-анньан көрбүтүм* 'В шутку хотел Тебя поугагать Я хотел тебя получше узнать, Я хотел тебя испытать';

12) о поведении человека (по внешним признакам). В эту группу входят фразеологизмы, показывающие поведение человека: *Оройунан оонньообут* 'Он привык вверх ногами ходить, он привык в детские игры играть'. Например, здесь *оройунан оонньообут* обозначает человеческий характер по внешним признакам: озорник, который не может усидеть на одном месте;

13) обращение к человеку, людям. В олонхо, например, жители Нижнего мира – абаасы, называют жителей Среднего мира: *Икки атахтаах Иннинэн сирэйдээх* 'Охотник любой, ходящий на двух ногах – у кого лицо впереди'. Данным фразеологизмом обычно обозначают «человечество»;

14) о благополучной жизни. Фразеологизмы о счастье, благополучии, удаче в жизни встречаются часто при описании счастливой жизни персонажей в олонхо, в частности, при описании жизни людей Среднего мира: *Үйата оһоһулунна* 'Созидается там гнездо, воздвигается прочный дом';

15) о смерти. В фразеологизмах о смерти в олонхо почти всегда присутствует слово *өлүү* «смерть»: *Өлөр күнүм кэллэ диэн Өс номоһун өһүллэ, Кэбилийэр күнүм кэллэ диэн Кэриэс тылын кэпсээтэ* 'Наступило время на помощь звать Наступило время молить'.

Можно сделать вывод, что фразеологизмы имеют ряд отличительных черт и могут разделяться на несколько групп по тематике. Большинство найденных примеров фразеологических оборотов в текстах олонхо соответствуют тематике рассмотренной классификации, но стоит отметить, что не все группы фразеологизмов можно найти в олонхо. По контексту собранных примеров фразеологизмов мы добавили следующие группы:

1) о внешнем виде человека. Фразеологизмы о внешнем виде используются при описании красоты героинь в олонхо, так, например, при описании Туйаарымы Куо, дочери первых людей: *Көрөр харахтаах көрбөтөх* 'Невиданной красоты';

2) о временных отрезках, о количестве чего-либо: *Саллайар сааһым тухары* 'Я век не видал'. На первый взгляд кажется, что этот пример относится к тематике фразеологизмов о человеке, т. е. буквально он означает как «за всю свою долгую жизнь», речь идет о жизни человека, но в большинстве случаев используется как общее определение количества времени, показывает как долго проходит то или иное время;

3) не относящиеся к людям. Сюда мы отнесли фразеологизм о сне: *Түүлэрим оботугар түүһээн көрбөтөх* 'Даже во сне не снился мне'.

Так, мы выделили 18 групп фразеологизмов в олонхо. Из этих групп самыми часто встречаемыми являются фразеологизмы о благополучной жизни, о проблемах, беде и о поведении человека

Звукоподражания. Рассмотрев классификации разных теоретиков, мы разделили звукоподражания по характеру имитируемых звуков, подобную классификацию в своей работе приводит З. К. Дербишева [33]. Всего было выделено 5 групп:

1) голоса птиц: *Хаабырбаан баран Сурулуу көтөн Суксуяа турдаба...* 'Могучими крыльями шумно взмахнув улетел! За тучей исчез...'. Здесь звукоподражанием, относящимся к голосу птиц, является слово *хаабырбаа*, П. С. Афанасьев определяет данное звукоподражательное слово, как «издавать хриплые гортанные звуки, каркать» и отмечает, что так говорят обычно о вороне [7];

2) голоса животных. В олонхо в некоторых случаях звукоподражания, имитирующие голоса животных, используются при описании голосов людей и других персонажей. Так, например, здесь звукоподражание голосу медведя сопоставляется с голосом чудовища, абаасы: *Арбахтаах эһэ курдук ардьыгыны түстэ* 'Взвыл адьарай Вмолился ему';

3) голоса, звуки, относящиеся к людям. Здесь звукоподражания могут иметь разные характеристики, например, могут относиться к голосу человека: *Чуор сана чугдаара түстэ* 'Чей-то голос густо запел, зычный голос захохотал, загудел'; к топоту ног человека: *Лиһир-лабыр хааман, Лиһир-лабыр үктэнэн кэлэн* 'Стремительно подошли'; к характеристике смеха: *Саһыгырачы күллэ* 'Засмеялся трескучим смехом своим';

4) звуки, издаваемые предметами, механизмами: *Доом-эрэ-доом!!!* – это звукоподражание в олонхо определяется с помощью комментария так: «звукоподражание ударам шамана колотушкой о бубен. Произносится в шаманских заклинаниях» [29, с. 427];

5) звуки, создаваемые окружающей средой, природные звуки: *Сүппэр этиг ньиргийдэ Сүдү холоорук түлүннэ* 'Гром оглушительно загремел Огромный вихрь загудел'. В олонхо звукоподражания, относящиеся к природе, часто встречаются при описании борьбы богатырей. Так, самыми распространенными группами из этих являются: голоса, звуки относящиеся к людям; звуки, создаваемые предметами, механизмами; звуки, создаваемые окружающей средой, природные звуки. Также стоит отметить, что большинство примеров звукоподражаний в олонхо передаются в форме наречия (*Сиккирэчи ытыы сытар* 'Пронзительно крича'), прилагательного / причастия (*Кынгыныыр куластаах* 'Звонкими поющие голосами') и глагола (*Ингиэрэ лынгынаата* 'Мышцы на могучих плечах, Напряглись на груди искря'). Звукоподражания в чистой форме можно встретить очень редко: *Аньаһа!!!* (голоса животных); *Доом-эрэ-доом!!!* (звуки, издаваемые предметами, механизмами); *Тинилэбин тыаһа чун-чан охсуллан Кутаа уотунан өрө чункунаабыт* 'Ударяясь боками и головой О выступы каменные в темноте, Ломило в висках у него Грохотало в ушах у него' (голоса, звуки относящиеся к людям). В последнем примере чистым звукоподражанием является *чун-чан*. Большинство звукоподражаний имеют вспомогательные слова и глаголы *гына*: *Таралыс гына түһэн Татынньахтаабытынан барда* 'Порывисто биться стал'.

Заключение

В предлагаемой работе сделан анализ 825 примеров безэквивалентной лексики из олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского. На основе классификации безэквивалентной лексики, предложенной С. И. Влаховым и С. П. Флориным, было выделено шесть групп. Наибольшее количество примеров было найдено в группе междометий и имен собственных. Имена собственные мы сгруппировали по классификации Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова, в которой преобладают имена жителей миров и имена шаманов и шаманок в группе личных имен, гидронимы (названия водных объектов) в группе топонимов. Реалии представлены в 3 группах (по классификации С. И. Влахова и С. П. Флорина), каждая из которых разделяется по тематике и сфере использования. Для систематизации фразеологизмов мы ссылались на работу П. С. Афанасьева, он выделяет 24 группы фразеологических единиц по тематике и контексту [7], из данной классификации в олонхо выделены 15 групп, все эти фразеологизмы относятся к человеку, и всему, что связано с человеком (характер, манера поведения, жизнь, смерть). Также мы выделили три группы, которые не относятся к классификации П. С. Афанасьева. Так, примеры фразеологизмов в олонхо разделяются на 18 групп, преобладают фразеологизмы о благополучной жизни и о проблемах и беде. При изучении обращений выделено 11 групп, 6 из которых взяты из классификации В. К. Харченко, а остальные группы выявили, исходя из контекста обращений, в данной группе безэквивалентной лексики преобладают обращения по личной симпатии и обращения-комплименты. Самое большое количество примеров было найдено в группе междометий, данная группа проанализирована по классификации Н. К. Антонова, он разделяет междометия на две большие группы: А) эмоционально-психологические; Б) междометия, показывающие отношение к окружающему [10]; в каждой группе выявлены по 5 подгрупп. Звукоподражания сгруппированы по характеру имитируемых звуков согласно классификации З. К. Дербишевой [33]. Всего было выделено 5 групп. Здесь преобладают примеры звукоподражаний, относящихся к людям, и звуков, издаваемых различными механизмами

и предметами. Безэквивалентная лексика ярко выражена в тексте рассматриваемого олонхо, это доказывает, что олонхо очень богато лексикой, которая носит культурные и традиционные коды народа саха. Одной из важных задач современных исследований, на наш взгляд, становится изучение передачи этого пласта лексики на другие языки в аспекте межкультурной коммуникации.

Литература

1. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Якутск : Бичик, 2008. – 408 с.
2. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. – Санкт-Петербург : Типография издательства СПбГУ, 2006. – 192 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода. – Москва : Прогресс, 2000. – 253 с.
4. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. – Москва : Международные отношения, 2009. – 328 с.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод : Вопросы общей и частной теории перевода. 3-е изд. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 235 с.
6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с.
7. Афанасьев П. С. Саха билинни тыла. Лексикология : Саха филологиятын уонна төрүт культураны факультетыгар үөрэнэр кинигэ. – Дьокуускай : Саха гос. ун-тын изд-та, 1996. – 191 с. (На якутском яз.)
8. Введенская Л. А., Колесников Н. П. Этимология : Учебное пособие. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 221 с.
9. Харченко В. К. Современная повседневная речь. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 184 с.
10. Антонов Н. К., Коркина Е. И., Слепцов П. А. Саха билинни тыла. Морполуогуя : устудуонна аналлаах үөрэх кинигэтэ. – Дьокуускай : Бичик, 2009. – 296 с. (На якутском яз.)
11. Скоморохова С. В. Морфология современного русского языка. 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2019. – 168 с.
12. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. – Якутск : Сайдам, 2013. – 94 с. (На русс. и англ. яз.)
13. Уткин К. Д. Истоки якутского шаманизма. – Якутск : Ситим, 1994. – 19 с.
14. Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса : реконструкция, традиция и современность (на материале культуры саха) : автореф. дисс. ... д. и. н. – Якутск, 2000. – 47 с.
15. Бравина Р. И., Петров Д. М. Племена, «ставшие ветром» : к вопросу об автохтонном субстрате в этнокультурогенезе якутов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 2 (41). – С. 119-127. – DOI : 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127.
16. Николаев С. И. Происхождение народа саха. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 1995. – 112 с.
17. Саха тылын быһаарыылаах тылдыта. Т. 1 (Буква А). – Новосибирск : Наука, 2004. – 677 с. (На якутском и русс. яз.)
18. Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов (XIX - начало XX в.) : (опыт историко-этнографического исследования) : автореф. дисс. ... к. и. н. – Москва, 1982. – 20 с.
19. Саха тылын быһаарыылаах тылдыта. Т. 11 (Буква Т : төтөллөөх-тээтэннээ). – Новосибирск : Наука, 2014. – 525 с. (На якутском и русс. яз.)
20. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта Т. 14 (Буквы Ч-Ы). – Новосибирск : Наука, 2017. – 589 с. (На якутском и русском яз.)
21. Серошевский В. Л. Якутские рассказы, повести и воспоминания / ред. и послесл. С. А. Степанов. – Москва : Кудук, 1997. – 591 с.
22. Жорницкая М. Я. Народные танцы Якутии : автореф. дисс. ... к. и. н. – Москва, 1965. – 21 с.
23. Ушницкий В. В. Вопросы изучения ранней этнической истории и родового состава народов Якутии. – Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2014. – 142 с.
24. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта. Т. 13 (Буква Х). – Новосибирск : Наука, 2016. – 639 с. (На якутском и русс. яз.)
25. Саха тылын быһаарыылаах тылдыта. Т. 4 (Буква К - күөлэһиннээ). – Новосибирск : Наука, 2007. – 670 с. (На якутском и русс. яз.)

26. Саха тылын быһаарыылаах тылдыта. Т. 3 (Буквы Г, Д, Дь, И). – Новосибирск : Наука, 2006. – 841 с. (На якутском и русс. яз.)
27. Ефимова Л. С. Якутский алгыс : специфика жанра, поэтика : автореф. дисс. ... к. филол. н. – Элиста, 2013. – 55 с.
28. Саха тылын быһаарыылаах тылдыта. Т. 2 (буква Б). – Новосибирск : Наука, 2005. – 908 с. (На якутском и русс. яз.)
29. Ойунский П. А. Нюргун Боотур Стремительный : якутский героический эпос олонхо / Воссоздал на основе народных сказаний П. Ойунский ; пер. на рус. яз. В. В. Державин. 2-е изд. – Якутск : Кн. изд-во, 1982. – 431 с.
30. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта. Т. 15 (Буква Э). – Новосибирск : Наука, 2018. – 575 с. (На якутском и русс. яз.)
31. Нелунов А. Г. Сомоҕо домох сахалыы-нууччалы тылдыта. – Новосибирск : Издательство СО РАН, Научно-издательский центр, 1998. – 286 с. (На якутском и русс. яз.)
32. Нелунов А. Г. Сомоҕо домох сахалыы-нууччалы тылдыта. – Новосибирск : Издательство СО РАН, Научно-издательский центр, 2002. – 418 с. (На якутском и русс. яз.)
33. Дербишева З. К. Сравнительная грамматика русского и турецкого языков : учебник. 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2016. – 296 с.

References

1. Ergis G. U. *Oчерки по якутскому фольклору* [Essays on the Yakut folklore]. Yakutsk, Bichik, 2008, 408 p. (In Russ.)
2. Ivanov A. O. *Bezekvivalentnaya leksika* [Non-equivalent vocabulary]. Saint Peterburg, Tipografiya izdatel'stva SPbGU, 2006, 192 p. (In Russ.)
3. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow, Progress, 2000, 253 p. (In Russ.)
4. Vlahov S. I., Florin S. P. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009, 328 p. (In Russ.)
5. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod: Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda* [Language and translation: questions of general and particular translation theory]. 3-e izd. Moscow, Izd-vo LKI, 2010, 235 p. (In Russ.)
6. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow, Indrik, 2005, 1040 p. (In Russ.)
7. Afanas'ev P. S. *Sakha bilinngi tyla. Leksikologiya: Sakha filologiyatyn uonna teryut kul'turatyn fakul'tetigar yuerener kinige* [Modern Yakut language. Lexicology: Textbook for the faculty of Yakut Philology and culture]. D'okuuskai, Sakha gos. un-tyn izd-ta, 1996, 191 p. (In Yakut)
8. Vvedenskaya L. A., Kolesnikov N. P. *Etimologiya: Uchebnoe posobie* [Etymology: a Training manual]. Saint Peterburg, Piter, 2004, 221 p. (In Russ.)
9. Kharchenko V. K. *Sovremennaya povsednevnyaya rech'* [Modern everyday speech]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Izd-vo LKI, 2010, 184 p. (In Russ.)
10. Antonov N. K., Korkina E. I., Sleptsov P. A. *Sakha bilinngi tyla. Morpoluoguiya: ustud'uonnga anallaakh yuerekh kinigete* [Modern Yakut language. Morphology: a textbook for students]. D'okuuskai, Bichik, 2009, 296 p. (In Yakut)
11. Skomorokhova S. V. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Morphology of the modern Russian language]. 2-e izd., ster. Moscow, FLINTA, 2019, 168 p. (In Russ.)
12. Oiuinskii P. A. *Yakutskaya skazka (olonkho), ee syuzhet i sodержanie* [Yakut fairy tale (olonkho), its plot and content]. Yakutsk, Saidam, 2013, 94 p. (In Russ. and Engl.)
13. Utkin K. D. *Istoki yakutskogo shamanizma* [The origins of Yakut shamanism]. Yakutsk, Sitim, 1994, 19 p. (In Russ.)
14. Bravina R. I. *Kontseptsiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa: rekonstruktsiya, traditsiya i sovremennost' (na materiale kul'tury sakha)* [The concept of life and death in the culture of an ethnic group: reconstruction, tradition and modernity (based on the Sakha culture)]. Avtoref. diss. ... d. i. n. Yakutsk, 2000, 47 p. (In Russ.)
15. Bravina R. I., Petrov D. M. *Plemena, "stavshie ветром": k voprosu ob avtokhtonnom substrate v etnokul'turogeneze yakutov* [Tribes that "became the wind": on the question of autochthonous substratum in the ethnocultural genesis of the Yakuts]. In: *Vestnik arkheologii i etnografii, antropologii* [Bulletin of Archeology

and Ethnography, Anthropology]. 2018, No. 2 (41), pp. 119-127. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127. (In Russ.)

16. Nikolaev S. I. *Proiskhozhdenie naroda sakha* [Origin of the Sakha people]. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat, 1995, 112 p. (In Russ.)

17. *Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'yta. T. 1 (Bukva A)* [Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 1 (Letter A)]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 677 p. (In Yakut and Russ.)

18. Zykov F. M. *Poseleniya, zhilishcha i khozyaistvennye postroiiki yakutov (XIX - nachalo XX v.): (opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [Settlements, dwellings and farm buildings of the Yakuts (XIX - early XX century): (experience of historical ethnographic research)]. Avtoref. diss. ... k. i. n. Moscow, 1982, 20 p. (In Russ.)

19. *Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'yta. T. 11 (Bukva T: teteleekh-teetengnee)* [Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 4 (Letter T)]. Novosibirsk, Nauka, 2014, 525 p. (In Yakut and Russ.)

20. *Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yta T. 14 (Bukvy Ch-Y)* [Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 14 (Letters Ch-Y)]. Novosibirsk, Nauka, 2017, 589 p. (In Yakut and Russ.)

21. Seroshevskii V. L. *Yakutskie rasskazy, povesti i vospominaniya* [Yakut stories, novellas, and memoirs]. Red. i poslesl. S. A. Stepanov. Moscow, Kuduk, 1997, 591 p. (In Russ.)

22. Zhornitskaya, M. Ya. *Narodnye tantsy Yakutii* [Folk dances of Yakutia]. Avtoref. diss. ... k. i. n. Moscow, 1965, 21 p. (In Russ.)

23. Ushnitskii V. V. *Voprosy izucheniya rannei etnicheskoi istorii i rodovogo sostava narodov Yakutii* [Questions of studying the early ethnic history and ancestral composition of the peoples of Yakutia]. Yakutsk, IGIiPMNS SO RAN, 2014, 142 p. (In Russ.)

24. *Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yta. T. 13 (Bukva Kh)* [Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 13 (Letter H)]. Novosibirsk, Nauka, 2016, 639 p. (In Yakut and Russ.)

25. *Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'yta. T. 4 (Bukva K - kuelehingnee)* [Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 4 (Letter K)]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 670 p. (In Yakut and Russ.)

26. *Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'yta. T. 3 (Bukvy G, D, D', I)* [Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 3 (Letters G, D, D', I)]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 841 p. (In Yakut and Russ.)

27. Efimova L. S. *Yakutskii algys: spetsifika zhanra, poetika* [Yakut algys: the specificity of the genre, poetics]. Avtoref. diss. ... k. filol. n. Elista, 2013, 55 p.

28. *Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'yta. T. 2 (Bukva B)* [Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 2 (Letter B)]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 908 p. (In Yakut and Russ.)

29. Oiunskii P. A. *Nyurgun Bootur Stremitel'nyi: yakutskii geroicheskii epos olonkho* [Nurgun Bootur the Swift: yakut heroic epic olonkho]. Vossozhdal na osnove narodnykh skazanii P. Oiunskii. Per. na rus. yaz. V. V. Derzhavin. 2-e izd. Yakutsk, Kn. izd-vo, 1982, 431 p. (In Russ.)

30. *Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yta. T. 15 (Bukva E)* [Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 15 (Letter E)]. Novosibirsk, Nauka, 2018, 575 p. (In Yakut and Russ.)

31. Nelunov A. G. *Somogo domokh sakhalyy-nuuchchalyy tyld'yta* [Yakut-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, Nauchno-izdatel'skii tsentr, 1998, 286 p. (In Yakut and Russ.)

32. Nelunov A. G. *Somogo domokh sakhalyy-nuuchchalyy tyld'yta* [Yakut-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, Nauchno-izdatel'skii tsentr, 2002, 418 p. (In Yakut and Russ.)

33. Derbisheva Z. K. *Sravnitel'naya grammatika russkogo i turetskogo yazykov: uchebnik* [Comparative grammar of Russian and Turkish languages: a tutorial]. 2-e izd. Moscow, FLINTA, 2016, 296 p. (In Russ.)